

когда через малое даётся образ большого, то у Орлова туризм является самодостаточным объектом изучения.

В заключение отмечу, что к достоинствам сборника следует отнести прежде всего разнообразие тем. Фактически представлено каждое тематическое направление, которое разрабатывается применительно к позднесоветскому периоду. При этом сборник не претендует на то, чтобы «закрыть» какую-то тему, а наоборот, призывает к критике и диалогу. Если же говорить о минусах, то главный — фрагментарность. За исключением историографического сегмента почти

нигде не получилось сопоставить процессы в ГДР и СССР. Сюжеты из истории одной страны не дополняются анализом положения в другой. В результате читатель должен самостоятельно улавливать некий «дух времени» и выстраивать связи между различными текстами. Сборник выявляет парадоксальную ситуацию: в силу кажущейся понятности, небольшого исторического разрыва и наличия собственного опыта о позднесоветском обществе зачастую известно гораздо меньше и, главное, понять его сложнее, чем ранние периоды отечественной истории.

Милана Живанович

Рец. на: Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков. Сборник статей / Научный редактор А.Ю. Полунов. М.: Модест Колеров, 2018. 304 с.

Milana Zivanovic

(Institute of contemporary history of Serbia, Belgrade)

Rec. ad op.: Rossiia i slavyanskiy mir v voynakh i konfliktakh XIX–XX vekov. Sbornik statey. Moscow, 2018

DOI: 10.31857/S086956870001948-3

В 2014–2016 гг. российские и белорусские учёные, изучающие историю славянских стран Центральной и Восточной Европы и их взаимоотношения с Россией, провели серию научных мероприятий в Республике Беларусь. Одним из них стала организованная факультетом государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова при поддержке фонда «Русский мир» международная конференция, состоявшаяся в ноябре 2016 г. в Бресте.

В ней приняли участие историки из ведущих университетов, академических институтов и аналитических центров России, Белоруссии, Сербии и Словакии, обсудившие историю реформ второй половины XIX в. на территории Украины и Белоруссии, становление и развитие национального самосознания у славян в XIX–XXI вв. и роль современной историографии в его трансформации, влияние Первой мировой войны на судьбы славянства, основные тенденции политического развития славянских государств в межвоенный период и во второй половине XX в. Итоги конференции отразились в

сборнике статей «Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков». Как отметил в предисловии его научный редактор А.Ю. Полунов, «история славянского мира, расположенного на стыке различных культурно-цивилизационных зон, в сфере противоборства соперничающих друг с другом держав, издавна была насыщена противоречиями и столкновениями, здесь особенно бурно протекали процессы консолидации этноконфессиональных общностей и размежеваний между ними». Авторы статей, вошедших в сборник, размышляли прежде всего о том, «какими особенностями отличался (и отличается) процесс нациеобразования в славянском мире? Можно ли говорить о существовании славянского единства и, если да, в каких сферах оно проявляется наиболее отчётливо?». При этом они стремились «если не пересмотреть утвердившиеся в историографии и особенно в массовом сознании стереотипы, касающиеся этих вопросов, то существенно их скорректировать»¹.

Книгу открывает очерк А.А. Кривопалова, посвящённый роли фельдмаршала И.Ф. Паскевича, светлейшего князя Варшавского, 221

в событиях Русско-польской войны 1830–1831 гг., показавшей как сильные стороны, так и недостатки в организации императорской армии². В.Е. Воронин указал на «неудобные» аспекты польского восстания 1863 г., «о которых зачастую “не принято” вспоминать» в Польше. В частности, исследователь напомнил, что оно не получило поддержки крестьян, составлявших большинство народа, и уже поэтому не может считаться национальным, вопреки тому, как его пытаются интерпретировать в польской, а иногда и в российской историографии³. А.Ю. Бендин осветил участие римско-католического духовенства в восстании 1863 г., когда значительная часть клира призывала поляков к «священной войне» с Россией, объявляя её исконным врагом Польши. Неудивительно, что после этого конфессиональная политика российских властей в регионе существенно изменилась⁴. Образ виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева в белорусском сегменте Интернета, где он нередко изображается как «враг Белоруссии», рассмотрен А.Д. Гронским⁵.

А.А. Загорнов раскрыл негативное влияние Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на проведение судебной реформы в Северо-Западном крае: расстроив финансы империи, она на пять лет отсрочила уже намеченное в 1877 г. введение Уставов 1904 г.⁶ О.Р. Айрапетов охарактеризовал действия русской дипломатии в период болгаро-сербской войны 1885 г. Данный конфликт, по мнению автора, отнюдь не сводился к военному противостоянию: «Это было столкновение великих национальных проектов, схватка народов, которые пользовались поддержкой и симпатией не только официальной России, но и всех сегментов русского общественного мнения⁷. К.В. Шевченко убедительно показал, что восточная Галиция окончательно стала «бастионом украинского национализма» лишь после геноцида галицких русофилов во время Первой мировой войны, тогда как в XIX в. и «даже в первой четверти XX века» данная идеология ещё не доминировала в регионе⁸.

Пристальное внимание авторов сборника вызвали события Первой мировой войны. М. Даниш дал обстоятельный обзор словацкой историографии, свидетельствующий о существенном влиянии идей национализма и коммунизма на память общества о Великой войне и словацком сопротивлении в XX в. При этом, говоря о позиции общественных и политических деятелей Словакии в 1914–1918 гг., он отметил, что трения между чехами и словаками возникали ещё в ходе борьбы за независимость от Австро-Венгрии⁹. Д. Денда

привёл данные о потерях сербского народа в 1914–1918 гг., включая раненых и убитых солдат и офицеров Сербии, военнослужащих австро-венгерской армии сербского происхождения, интернированных гражданских лиц и др.¹⁰ Ф.А. Гаيدا изложил представления российских радикальных либералов о целях мировой войны и надежды кадетов на то, что в ходе боевых действий власть будет вынуждена пойти на значительные уступки оппозиции и это, в свою очередь, приведёт к изменению политического строя империи¹¹.

М.А. Колеров, рассматривая процесс национального строительства в западных регионах СССР и политику «коренизации», которую он именует «Анти-Аншлюсом», утверждает, что большевики стремились «заменить государственную независимость как форму национального самоопределения на государственность в составе советской конфедерации». По словам исследователя, на протяжении всей истории СССР в его руководстве доминировал «пафос строительства национальных государств вокруг русского союзного центра». В зависимости от обстоятельств, эти усилия могли носить как наступательный, так и оборонительный характер – использоваться как инструмент мировой революции или служить ответом на враждебные действия Польши, Финляндии и Румынии¹². А.И. Колпакиди собрал малоизвестные сведения о белорусах – сотрудниках органов военной разведки СССР, участвовавших в знаменитых боевых операциях¹³.

Г. Милорадович описал «войну на экране», выявив взаимосвязь политики с кинематографом в 1941–1991 гг. Так, анализ фильмов, снимавшихся в послевоенной Югославии, позволил автору сделать выводы о внутренней и внешней политике страны, которой приходилось лавировать между НАТО и Организацией Варшавского договора, и наглядно продемонстрировать, как развивался процесс политизации и идеологизации кинематографа¹⁴. А.Ю. Тимофеев на основании воспоминаний воинов-интернационалистов, а также опубликованных и архивных документов проследил влияние СССР и советских спецслужб на партизанскую войну в Югославии: подготовку югославских коммунистов, проходивших обучение у советских инструкторов и воевавших затем в Испании (ветераны «испанцы» находились в 1940-е гг. во всех краевых партизанских штабах), организацию их переброски на Балканы в 1941 г., действия Коммунистической партии Югославии, получавшей указания от Исполкома Коминтерна. Как заключает исследователь, школа, пройденная в СССР, который в 1930-е гг. фактически являлся лидером по

овладению подрывными и диверсионными технологиями, во многом помогла руководителям партизанского движения добиться успеха. В то же время советско-югославские контакты во время войны отнюдь не ограничивались содействием боевым операциям. Тогда же были установлены и официальные отношения между Народно-освободительным движением Югославии и Советским Союзом, хотя это произошло сравнительно поздно — в 1944 г.¹⁵

Историческая память польского общества о Восточных Кресах (западных территориях нынешних Белоруссии и Украины, входивших в состав Польши в 1918–1939 гг.) анализируется А.А. Киселёвым. По его наблюдениям, в современной Польше её носителями являются в основном активисты «профильных» общественных организаций, объединений «кресовян» и их потомков, общественно-политические деятели, СМИ, работники системы образования¹⁶. Общественное мнение балканских народов и их отношение к Евразийскому союзу и перспективе сближения с ним отражены в статье З. Милошевича, изучившего представления жителей полуострова о роли на международной арене российского президента и значении в мире России как государства и русского народа¹⁷.

Охватывая широкий спектр проблем, связанных с историей России и славянских стран Центральной и Восточной Европы, сборник, безусловно, вносит значительный вклад в историографию и будет востребован специалистами.

Примечания

¹ Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков. Сборник статей / Науч. ред. А.Ю. Полунов. М., 2018. С. 5–6.

² Кривопапов А.А. Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русско-польская война 1830–1831 гг. // Россия и славянский мир... С. 11–29.

³ Воронин В.Е. О «неудобных» аспектах польского восстания 1863 г. // Россия и славянский мир... С. 30–42.

⁴ Бендин А.Ю. Власть и католическое духовенство Северо-Западного края в период вос-

стания 1863 г. // Россия и славянский мир... С. 43–61.

⁵ Гронский А.Д. Образ генерал-губернатора М.Н. Муравьёва в белорусском интернет-дискурсе // Россия и славянский мир... С. 62–77.

⁶ Загорнов А.А. Проведение судебной реформы в белорусских землях и русско-турецкая война 1877–1878 гг. // Россия и славянский мир... С. 78–88.

⁷ Айрапетов О.Р. Россия между Болгарией и Сербией в 1885 г. Первая межславянская война нового времени // Россия и славянский мир... С. 89.

⁸ Шевченко К.В. От Галицкой Руси к Западной Украине. Галицко-русские деятели об украинском движении в Галиции в XIX в. // Россия и славянский мир... С. 118.

⁹ Даниш М. I Мировая война в современной словацкой историографии и политическом дискурсе // Россия и славянский мир... С. 139–165.

¹⁰ Денда Д. Сербский народ в I Мировой войне // Россия и славянский мир... С. 166–178.

¹¹ Гайда Ф.А. Русские радикальные либералы о целях России в I Мировой войне // Россия и славянский мир... С. 132–138.

¹² Колеров М.А. Анти-Аншлюс: «национальные государства» СССР против Польши (1920–1940-е гг.) // Россия и славянский мир... С. 179–208.

¹³ Колпакиди А.А. Белорусы в советской военной разведке // Россия и славянский мир... С. 209–232.

¹⁴ Милорадович Г. (пер. с сербского Г.Н. Энгельгардта). Война на экране. Югославские фильмы между НАТО и Варшавским договором // Россия и славянский мир... С. 264–284.

¹⁵ Тимофеев А.Ю. Влияние СССР на партизанскую войну в Югославии: от организации до победы // Россия и славянский мир... С. 233–263.

¹⁶ Киселёв А.А. Память о Восточных Кресах в польском общественном мнении // Россия и славянский мир... С. 285–291.

¹⁷ Милошевич З. Евразийская интеграция и общественное мнение в Сербии и других странах Балканского полуострова // Россия и славянский мир... С. 292–298.